

«Мой голос арестовали на улице»: поэзия болгарской мусульманской общности 1980-х гг.

Аннотация:

Объектом исследования является поэтическое наследие представителей мусульманской общности в Болгарии во время «возродительного процесса». Запрет на использование турецкого языка, насильственная смена мусульманских имен фактически привели к деформации как индивидуальной системы ценностей, так и традиционной для их транснациональной группы. Используя мотивы и формы национального фольклора, поэты создали новый миф переселенцев и запечатлели образы современных героев — участников антитоталитарного сопротивления.

Ключевые слова:

мусульманская поэзия, антитоталитарная литература, межкультурная коммуникация, «возродительный процесс»

Natalia A. LUNKOVA
(Moscow)

«My voice was arrested on the street»: poetry of the Bulgarian Muslim community of the 1980s

Abstract:

The object of the research is the poetic heritage of the representatives of the Muslim community in Bulgaria during the «revival process». The prohibition of the Turkish language and the forcible change of Muslim names have actually led to deformation of both the individual value system and the traditional for their transnational group. Using the motives and forms of national Turkish folklore, the poets created a new myth of immigrants and captured the images of modern heroes — participants in the anti-totalitarian resistance.

Keywords:

Islamic poetry, anti-totalitarian literature, intercultural communication, the «revival process»

Проводимая в 1980-е гг. в Народной республике Болгарии политика принудительной ассимиляции мусульманского населения вошла в историю как «возродительный процесс». Начавшийся на рубеже 1984–85 гг., он был направлен на формирование моноэтнической модели общества. В рамках «возродительного процесса» представители мусульманской общности: турки, цыгане, помаки (этнические болгары, говорящие на болгарском языке и исповедующие ислам) — подверглись насильственной болгаризации со стороны правительства. Идея сторонников «возродительного процесса» в контексте коммунистической доктрины НРБ заключалась в том, что все турки, проживающие на территории Болгарии, на самом деле болгары, которые в период Османского господства перешли в ислам, а теперь, во второй половине XX в., настало время пробудить у них «исконное» болгарское национальное самосознание. Среди факторов, повлиявших на политику БКП по отношению к болгарским туркам, можно выделить высокий коэффициент рождаемости среди мусульман, процесс приобщения к турецкой культуре и обычаям цыган и помаков¹. В ходе реализации «возродительного процесса» групповая идентичность турок и болгар-мусульман оказалась под угрозой: мусульманские имена принудительно сменялись на христианские, запрещалось носить национальную одежду, использовать турецкий язык даже в быту, совершать традиционные обряды.

Представителей болгарской интеллигенции, выступавших против такого рода вторжения в сложивший уклад жизни мусульман, официальные власти считали «родоотступниками» и изменниками родины². Находились в болгарском обществе и те, кто одобрял «жесткий подход живковского руководства к турецко-мусульманскому вопросу», репродуцируя на современных турок «обостренную историческую память о многовековом османском иге»³. Стремление Т. Живкова «пойти по пути насильственной ассимиляции крупнейшего нацменьшинства в стране, отняв у турок имена и заменив их на другие, запретив им говорить в общественных местах на родном языке, носить национальную одежду, отмечать религиозные праздники, соблюдать обычаи, ритуалы и традиции, и при этом верить, что эта политика может быть успешной, то есть принятой жертвами тех, против которых направлена», по мысли Е.Л. Валева, было не чем иным, как «политической авантюрой»⁴.

Смена «неславянских имен» повлекла за собой задержания, аресты, а сопротивление мусульман вылилось в масштабные акции протеста и теракты. «Возрождение» болгарского самосознания спровоцировало создание первого диссидентского образования НРБ, а именно «Независимого общества по защите прав человека», во главе которого оказались представители мусульманской общности. Кульминация противостояния принудительной ассимиляции пришлась на май 1989 г. Затем Живков обратился к болгарскому населению с речью, в которой напрямую призвал покинуть страну тех, кто не считает Болгарию своей родиной. «Большая экскурсия» — апофеоз эмигрантской волны — пришлась на лето 1989 г., когда за пару месяцев территорию Болгарии покинуло более 350 тыс. человек, при том, что Анкара изначально планировала принимать в год не более 30 тыс. и уже в августе закрыла границу. Масштабные акции протестов, консолидация оппозиции способствовали падению режима Живкова в ноябре 1989 г. и пересмотру политики в отношении болгар-мусульман, но тем не менее межнациональное напряжение все равно оставалось высоким, особенно в районах со смешанным населением. «Возродительный процесс» негативно повлиял на болгарское общество, поскольку обострил отношения между приверженцами христианства и ислама, представителей разных национальностей. Нестабильная в данном отношении ситуация сохраняется до сих пор, что подтверждает существование как болгарских националистических партий (в частности, входящих в националистическую коалицию «Объединенные патриоты» партий «Атака», «Национальный фронт спасения Болгарии» и «Болгарское национальное движение» (ВМРО)), так и защищающей интересы турецкого нацменьшинства партии «Движение за права и свободы» (ДПС).

Литература мусульман, участников «возродительного процесса» в Болгарии, до недавнего времени не являлась объектом специального филологического анализа, что было связано с целым рядом причин, в том числе и политических.

Национальный вопрос стал одной из черт болгарского политического кризиса 1980-х гг.⁵ и не мог не найти отражение в культурном контексте эпохи. Однако современные болгарские (и шире — европейские) читатели почти незнакомы с литературным наследием болгарских мусульманских авторов периода «возродительного про-

цесса»: художественные и документальные произведения участников и свидетелей проводившейся в Болгарии политики насильственной ассимиляции 1980-х гг. создавались в основном на турецком языке и были изданы в Турции уже после 1989 г. Здесь стоит особо отметить составленную профессором Х.С. Йенисой антологию «Судьба балканских турок-эмигрантов в турецкой литературе» (тур. «Edebiyatımızda Balkan Türkleri'nin Göç Kaderi»), вышедшую в 2005 г. в Анкаре.

«Возвращение изгнаннической транснациональной литературы»⁶ в болгарский культурный контекст началось позже, уже в 2010-е гг., и наиболее заметным шагом, сделанным в этом направлении, стала книга «Когда у меня отняли имя. “Возродительный процесс” в 70–80-е гг. XX в. в литературе мусульманской общности»⁷ (2014), подготовленная в рамках международного проекта «Идентичность и ассимиляция», реализованного Институтом литературы Болгарской академии наук (София, Болгария) и Университетом Гази (Анкара, Турция) под руководством доцента Вихрена Чернокожева и профессора Зейнеп Зафер*. В антологию вошли воспоминания и художественные произведения** более 30 авторов — участников «возродительного процесса» в Болгарии (среди них Реджеб Кюпчю, Ибрахим Камбероглу, Сабахаттин Байрамёз, Хасан Оджаклы, Нури Тургут Адалы, Хашим Акиф, Осман Азиз, Мехмед Хасанов Карахюсеинов, Мехмед Алев Коджамустафа, Ахмед Шериф Шерифли, Юсуф Керим, Ахмед Юджетюрк и др.).

В книге присутствует ряд примечаний, разъясняющих некоторые элементы турецкой культуры и упомянутые в произведениях исторические факты. Кроме того, приведены список произведений, опу-

* Зейнеп Зафер (р. 1958) — профессор, историк литературы. Составитель и переводчик большинства текстов в исследуемой антологии. В 1980-е гг. принимала активное участие в деятельности «Независимого общества по защите прав человека», была в числе тех, кто в январе 1989 г. должен был встретиться с французским президентом Франсуа Миттераном, прибывшим в Болгарию, чтобы обсудить проблему ассимиляции турецкого национального меньшинства, однако накануне встречи была арестована и через несколько дней выдворена из страны. «Рабочий завтрак» с Миттераном принято считать «первой внешней акцией болгарского диссидентства» (Валева Е.Л. Инакомыслие и оппозиция в Болгарии в 1980-е гг. // Славяноведение. 2012. № 5. С. 90).

** Если говорить о поэзии, то здесь опубликовано 108 стихотворений: практически все переведены с турецкого языка (16 переводов выполнено самими авторами и 74 — З. Зафер), и только 18 были написаны и/или изданы на болгарском языке (поэзия Мехмеда Хасанова Карахюсеинова, Реджеба Кюпчю, его сына Эрдинча Кюпчю, Свилена Капсызова (Кяшифа Ахмедова Капсызова) и Фикри Шукриева).

бликованных писателями на болгарском и турецком языках, и краткие биографические сведения об авторах, что позволяет читателю не только ознакомиться непосредственно с литературой болгарских мусульман последней трети XX в., но и понять, в каких общественно-политических условиях она создавалась.

Многие мусульманские писатели, чьи художественные и публицистические тексты составили данную антологию, окончили Софийский университет им. св. Климента Охридского по специальности «Болгарская филология», «Турецкая филология» или «Ориенталистика», кто-то является выпускником Педагогического института в г. Кырджали. До «возродительного процесса» отдельные литераторы работали на радио «София», большинство же сотрудничало с печатными периодическими изданиями, в том числе и с выходившими в Болгарии на турецком языке: «Народна младеж» (тур. «Halk Gençliği»), «Нова светлина» (тур. «Yeni Işık»), «Пионер» (тур. «Pioner»), «Нов живот» (тур. «Yeni Hayat»), «Септемврийче» (тур. «Eylülcü Çocuk»). Некоторые авторы были удостоены литературных премий, например, Ахмед Шериф Шерефли, Ахмед Эмин Атасой и др. Все это позволяет сделать вывод об их мотивированных профессиональных намерениях заниматься литературой и их вовлеченности в культурный контекст НРБ, из которого они были искусственно изъяты в рамках государственной политики в отношении мусульманского населения.

По мысли В. Чернокожева (1951–2018), критика, историка литературы, которого по праву можно назвать одним из главных исследователей литературы мусульманской общности Болгарии в указанный период, данные произведения отличает *транснациональный* характер. Называя их «эмигрантской литературой травматического опыта», он рассматривает эти художественные и документальные тексты не просто как «альтернативу соцреализму», а как «*антитоталитарную* [здесь и далее курсив мой. — Н. Л.] литературу сопротивления против насильственной смены имен и изгнания болгарских граждан с турецким этническим самосознанием»⁸.

Целью данной работы является выявление особенностей поэзии «отверженных приобщенных»* с помощью анализа наиболее часто

* Термин для обозначения мусульман — участников «возродительного процесса» — был введен профессором Евгенией Ивановой и рассмотрен в ее монографии «Отверженные “приобщенные”, или процесс, названный “возродительным” (1912–1989)» (София, 2002).

встречающихся в ней мотивов. В системе ценностных ориентиров мусульманской общности присутствуют следующие ключевые элементы: культ рода, религия, язык. Апелляция к данным концептам наблюдается в подавляющем большинстве текстов, что говорит об их ведущей роли в формировании национальной идентичности.

Ценность традиций предков безусловна и потому так болезненно воспринимаются прощание матери и сына, возлюбленных, вынужденная разлука с семьей, умершими или живыми близкими, невозможность вернуться на родину, где похоронены предки: «Умоляю, дети, / перестаньте спрашивать меня, / где моя Родина! / Там могила моего отца, / что годами ждет моей молитвы»⁹ (Ибрахим Камбероглу. «Разговор с детьми»). Во многих стихотворениях очевидна идентификация субъекта через привязку к топосу Болгарии и Балкан. Так, в «Болгарии» Реджеба Кюпчю (см. Приложение) лирический герой фиксирует основные признаки болгарскости через соотнесение с данным местом этапов своей жизни (рождение, первые шаги, первый поцелуй, жизнь «и в горе и в радости», смерть родителей, их похороны — все это было на болгарской земле). Герой стихотворения «Меченые» Захита Гюнея буквально «растворется» во всем, что есть на Балканах (он несет их «метку»), приходя от я-идентичности к мы-идентичности (см. Приложение).

Ислам и турецкий язык выступают опорами мусульманского самосознания. Запрет на использование турецкого языка воспринимается как вмешательство в структуру идентичности его носителя, формирующего свои представления о мире именно на этом языке. Турецкий язык показан в поэтических текстах как средство защиты внутреннего мира от посягательств внешнего:

*Как корону я носил на голове
Свой родной язык и веру,
Несмотря на оскорбления и унижения,
Я сдерживал ненависть и злобу...
Словно в узде держал ретивого коня.
Я не отрицал существование
Тех, кто порочил мой родной язык.
Всевышний тому свидетель —
Я не позволю
иноверцу*

*стать господином
моего родного языка и веры,
пока дышу на этом свете*¹⁰.

Сабри Ибрахим Аглагёз.
Я, мой родной язык и другие.

*Мы забываем турецкий:
Язык — любовь,
Язык — поэзию!*¹¹

Осман Азиз.
Мы забываем турецкий.

*Я мечтаю о комнате
с окном в сад.
Я собрал друзей, родных
в моей светлой комнате,
где мы поем турецкие песни,
поем от всего сердца*¹².

Фаик Исмаил Арда.
Мечта.

В стихотворении Сабахаттина Байрамьоза «Когда у меня отняли имя», давшем название всей антологии, наиболее ярко воплощена метафора распада идентичности, связанная с утратой имени («эффективного символа этнического и религиозного различия»¹³) и заменой его на чужое, запретом использования родного языка. Лирический герой последовательно «теряет зрение», «тайны» и «следы шагов» после того, как у него «отнимают имя». С исчезновением имени происходит потеря «смысла прошлого и будущего», поскольку непонятно, «на чем языке плакать, на чем — смеяться». Гордость за национальную принадлежность превратили в стыд, а «голос арестовали на улице». Использование прописных букв в финале графически подчеркивает степень отчаяния лирического героя:

*Я ПОТЕРЯЛ ЗРЕНИЕ,
Я ПОТЕРЯЛ ТАЙНЫ,
Я ПОТЕРЯЛ СЛЕДЫ СВОИХ ШАГОВ,
КОГДА У МЕНЯ ОТНЯЛИ ИМЯ*¹⁴.

Попытки своеобразной «защиты» от внешнего воздействия на культуру, от принудительной трансформации сложившегося уклада жизни осуществляются поэтами через обращение к турецкому устному народному творчеству, его формам, мотивам, образам, а также к традициям и праздникам, зафиксированным в культурной памяти мусульман. В частности, упоминаются свадебные обряды (стихотворение «Кровавая свадьба» Сулеймана Юсуфа Адалы), герои народных песен (несчастные влюбленные Реджеб и Селиме — стихотворение «Необитаемое место» Хашима Акифа) и др. Однако они не изображаются только как факты литературной и культурной традиции — их использование ведет к созданию нового национального мифа, мифа переселенцев, вынужденных через обращение к элементам национального прошлого запечатлевать настоящее, добавляя новые смыслы к уже известным, чтобы противостоять распаду коллективной идентичности, явственностью которой, по мнению Я. Ассмана, «исключительно символического характера»¹⁵.

В попытке сохранения метафоры национальной памяти, но уже через ее обновление болгарские поэты-мусульмане создают в пространстве своих текстов новые символические топосы, связанные с травмой и насилием. К таким пространствам, которые носят знаковый характер для болгарских мусульман, в первую очередь относится тюрьма на острове Белене — так называемый «трудовой воспитательный лагерь», в реальности функционировавший с 1950-х гг. для изоляции «неблагонадежных» и противников политического режима НРБ. Многие авторы антологии были арестованы и отбывали в Белене разные сроки тюремного заключения. Внимание Сулеймана Юсуфа Адалы, автора текстов «Песня о Белене I», «Песня о Белене II», к этой теме нашло выражение в песенной форме неслучайно. В национальной турецкой культуре большую роль играет музыкальный фольклор; «поэтическую основу народных песен, во многом определяющую и их музыкальную форму, составляют стихи в таких традиционных формах, как семан, дестан, кошма (мелодически развитая песня лирического содержания), мани (песни частушечного склада)»¹⁶. Несмотря на то что народные песни обычно имеют любовную тематику, они не исчерпываются лишь ею и могут выступать реакцией на довольно злободневные темы, о чем свидетельствует, в частности, содержание новых, авторских мани. Эти ко-

роткие песни-четверостишия*, созданные в 1980-е гг., быстро «уходят в народ» и получают широкое распространение. Следующий фрагмент, к примеру, вошел в «Песню о Белене II»:

*Далек путь от Арды до Дуная,
за одну ночь не добраться,
не иди, мама, напрасно.
Даже птицы не долетают до Белене¹⁷.*

Помимо фиксации в литературе пространств, важных для осмысления травматического опыта, можно говорить о появлении новых национальных героев — участников антитоталитарного сопротивления. Среди них известный диссидент Нури Тургут Адалы, который провел в общей сложности 23 года в тюрьме и был назван «Нельсоном Манделой турок в Болгарии»¹⁸, поэты Мехмед Карахюсеинов, совершивший самосожжение в знак протеста против насилия со стороны болгарских властей (см. его стихотворение «Пожар» в Приложении), и Реджеб Кюпчю, внезапно скончавшийся в 1976 г. Некоторые считают его смерть заказным убийством, совершенным органами госбезопасности Болгарии. Кюпчю, отказавшийся писать на болгарском языке (первые его сборники вышли на турецком) и не прибавивший к своей фамилии славянский суффикс -ев-, превратился в одну из знаковых фигур сопротивления болгаризации, отстаивая свое право на творческую свободу; ему посвящены стихотворения других поэтов, в том числе и Османа Азиса («Без Кюпчю», «Вчера я был на могиле Реджеба»).

Мотивы изгнанничества и переселения, представленные в текстах мусульманских поэтов, напрямую связаны с угрозой потери идентичности, забвения, утраты памяти о прошлом, поскольку перемещение в чужое пространство побуждает забвение, оно лишено тех знаковых черт, которыми обладало пространство родного дома. Неслучайно, «пра-моделью или пра-сценой такой способствующей забвению смены контекста является путешествие в чужую страну, переход границы»¹⁹. В стихотворении совершившего самоубийство цыганского поэта Фихри Шукриева «Милая лошадка» лирический герой, собирая с собой в дорогу слезы детства, выбирает смерть как

* Способ рифмовки в мани, как правило, *aaba*.

лучшую альтернативу существованию в изгнании и устремляется «наверх», туда, «где лучше»²⁰ (См. Приложение).

Исследуя литературу представителей мусульманской общности, Чернокожев писал: «Когда я читаю эти тексты, то чувствую сильную травму, лишенную голоса, заглушенную, невысказанную. Не выраженное за долгие годы страдание человека, которое пытались преодолеть, осмыслить, выразить, превозмочь с помощью этих текстов»²¹. Наиболее последовательно в поэтических текстах болгарских мусульман, вынужденных покинуть свою родину в 1980-е гг., представляются следующие оппозиции, последовательно реализованные в поэтике стихотворных произведений: свой / чужой, турецкий / нетурецкий, исламский / неисламский, близкий / далекий, забвение / память, жизнь / смерть. Подобные пары понятий, составляющие основу конфликтов, свидетельствуют о том, что в кризисную эпоху для мусульманской общности в Болгарии, стремящейся в 1970–80-е гг. не допустить распада или радикальной трансформации мы-идентичности, есть несколько механизмов сохранения ценностных ориентиров: обращение к фольклору как к устойчивой устной форме коммуникативной памяти, передающейся из поколения в поколение, трансформация национального мифа и появление новых национальных героев, знаковых пространств, где была бы реализована метафора памяти. Травматический опыт участников «возродительного процесса», идентичность которых подвергается насильственной трансформации, действительно получает яркое воплощение в поэзии, где отражается навязываемый его жертвам «сверху» отказ от родного языка, что фактически приводит к деформации как индивидуальной системы ценностей, так и традиционной для их транснациональной группы. Поэзия жертв «возродительного процесса» — это именно такая антитоталитарная литература, которая «возвращает человеку его достоинство и стремление выбрать, осмыслить и выразить те культурные универсалии, по отношению к которым его жизнь имеет ценность, не участвовать в предварительно очерченной геометрии тоталитаризма, будучи то ли жертвой, то ли соучастником. Стремление быть свободным даже в условиях социальной несвободы»²².

Фихри Шукриев

(1942–1983)

Мило конче

Удрям и подканвам свойто конче,
Пред помийна яма щом се спре —
Хайде, мило конче, да прескочим!
Горе гледай!... Тъй е по-добре.
Виж луната — дюля е зелена.
Всяка от звездите — детски зъб.
Чакай малко! Нека да си взема
И сълзи от детството за път.
С болка в коленете ще заплача,
Никой да не мисли, че съм луд...
Във торбата ми освен погача,
Мъжка мъдрост имам, чесън, лук.
Хайде, мило конче, собирай устрем,
Вече всичко имаме за път.
В границата между днес и утре
Да забравим, че ни дебне смърт.
С тебе, мило конче, да препускам
По това небе от зной и сняг.
Черно-бели нишки ще усуквам
Във камшик от своя детски впряг.
А когато всичко ни омръзне
И смъртна намери път до нас,
Ний отново с тебе ще възкръснем
Под завивката на нечий глас²³.

Милая лошадка

Подстегну я, подгоню свою лошадку,
Если остановится пред лужей —
Мы ее, лошадка, перескочим!
Посмотри-ка ты наверх, там — лучше.
Глянь: луна зеленая, как дыня,
Звездочка любая — детский зуб.
Подожди немного! Я с собою
слезы детства забираю в путь.
С дрожью я в коленях зарыдаю,
Не подумайте, что я сошел с ума.
И с собою взять не забываю
Мудрость, хлеба, лука, чеснока.
Ты быстрее скачи, моя лошадка,
Все уже собрали мы в дорогу.
Между днем грядущим и текущим
Мы о смерти позабудем понемногу.
И с тобой, моя лошадка, мы помчимся
Прочь от зноя, холода — по небу.
И в руках своих держать я буду
Детский кнутик для лошадки, черно-белый.
А когда нам станет все постыло
И достигнет смерть, врасплох подкравшись,
Мы опять воскреснем, конь мой милый,
На страдания чужие отозвавшись.

* Оригиналы стихотворений Шукриева, Кюпчю и Карахюсеинова написаны по-болгарски, перевод стихотворения Гюнея сделан Зейнеп Зафер.

Реджеб Кюпчю

(1934–1976)

България

Аз не съм чужденец,
Аз съм твой син.
Твоето слънце,
Твоето гергѐфено нощно небе
Ме познават.
Познават ме твоите пътища,
По които вървях
И вървя.

Като дете, когато прохождах,
Паднах
И целуна земята ти
И след тази целувка
Направих
Своята първа крачка.
Следата ми от този миг
Е тук.
На твоята земя.

Тъй като първата любов
И тази моя първа крачка
Не се забравя...
Не се забравя никога.

Аз не съм чужденец.
Аз съм твой син.
И сълзите ми са твои —
От радост или от тъга.

Моята майка,
Моят баща,
Кито с ръцете си
съм спуснал в гроба,
лежат в земята ти,
Българийо.

Аз съм твой син
И мои са твоите пътища.

Болгария

Я не иностранец.
Я твой сын.
Твое солнце,
Черный купол твоего неба
Знают меня.
Знают меня твои дороги,
Которыми я шел
И иду.

Ребенком, когда я учился ходить,
Я падал
И целовал твою землю,
И после этого поцелуя
Сделал
Свой первый шаг.
Мой след с той поры
Здесь.
На твоей земле.

Потому что первую любовь
И первый шаг
Забывать нельзя.
Забывать никогда нельзя.

Я не иностранец.
Я твой сын.
И мои слезы — твои.
От радости или от горя.

Моя мать,
Мой отец,
Которых я своими руками
Опускал в могилу,
Лежат в твоей земле,
Болгария.

Я твой сын.
И твои дороги — мои.

Мехмет Хасанов Карахюсеинов

(1945–1990)

Горене

*Горят гърдите ми! Горя, горя...
Това не е насън, а е наистина.
Като дърво, откъснато
От своята гора
След мълния,
Сред пламъци увисвам.
Горят гърдите ми! Горя, горя...
Изгарят баберките на търпежа.
Водата бистра оголя,
А в мътната вода се хвърлят мрежи.
Горят гърдите ми! Гори вода.
Изтляват допотопни демагози.
Убива ли се вик за свобода!
Сложете ми на гроба
Бяла роза...²⁴*

Пожар

*Горит в груди моей! Горю, горю...
И это не во сне, а наяву.
Как дерево, что вспыхнуло
В лесу родном
От молнии
В огне я погибаю.
Горит в груди моей! Горю, горю...
Горят остатки моего терпенья.
Поток прозрачный правду обнажает,
А в мутной только сети расставляют.
Горит в груди моей! Вода горит.
Горят и демагоги-виртуозы.
Не умирает за свободу крик!
И на моей могиле
Пусть белеет роза.*

Захит Гюней

(р. 1946)

Белязани

Аз.

На Балканите съм
от началото до края.
Не е тайна
и деня съм,
и нощта.

Планина съм,
камък
и земя.

Вчера,
днес
и утре.

Аз — джамия,
синагога,
църква.

И огън,
и барут,
и блян.

Скала съм,
равнина,
гора.

Четирилистна
детелина,
порасла на скала.

Вест
да бъде
за новородените.

Детелина — аз,
Детелина — ти,
Детелина — той и тя.

Във объгтията
на Балканите сме.
Ние²⁵.

Меченые

Я.

На Балканах
от начала до конца
Не секрет,
что я и день,
и ночь.

Я гора,
камень
и земля,

Вчера,
сегодня
и завтра.

Я мечеть,
синагога,
храм.

И огонь,
и порох,
и надежда.

Скала,
равнина,
лес.

Четырехлистный
клевер,
растущий на скале.

Весть
да будет
новорожденным.
Клевер — я,
Клевер — ты,
Клевер — он и она.
В объгтях
Балкан мы.
Мы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Груев М., Кальонски А.* Възродителният процес. Мюсюлманските общности и комунистическия режим. София, 2008. С. 131–133.
- ² См.: *Зудинов Ю.Ф.* «Мусулманский фактор» в жизни болгарского общества // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994. С. 215–247.
- ³ *Зудинов Ю.Ф.* «Реальный социализм» в болгарском варианте: от «сталинизма» к «живковизму» (социально-политические аспекты) // Болгария в XX веке: Очерки политической истории. М., 2003. С. 400–401.
- ⁴ *Валева Е.Л.* Государственная политика Болгарии в отношении турецкой этнической общности (1980–е гг.) // Славянский альманах. 2013. М., 2014. С. 293.
- ⁵ Подробнее о «перестройке» по Живкову см.: *Валева Е.Л.* Республика Болгария // Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.; СПб., 2015. С. 35–75.
- ⁶ *Чернокожев В.* Българската анти тоталитарна литература през 60-те — 80-те години на XX век // Дзялото. Год. II. 2014. Бр. 2. URL: <http://www.abcdar.com/docs/magazine/2/Chernokozhev.pdf> (дата обращения: 14.09.2019).
- ⁷ Издание данной книги вызвало у болгарской публики противоречивую реакцию: от одобрения до обвинений со стороны националистов. Так, например, рецензия Костадина Костадинова, председателя партии «Возрождение», озаглавлена «Сколько стоит продать Болгарию?», где политик упрекает исследователей за неподходящий выбор темы, апеллируя ко времени османского владычества, во время которого совершались преступления против болгар (См.: *Костадинов К.* Колко струва да продадеш България? URL: <http://kostadin.eu/2015/08/22/колко-струва-да-продадеш-българия/> (дата обращения: 02.10.2019)). Отзывы подобного характера лишь подтверждают мысль о межнациональном напряжении, до сих пор характеризующем болгарское общество, а также неоднозначную оценку «возродительного процесса».
- ⁸ *Чернокожев В.* Българската анти тоталитарна литература през 60-те — 80-те години на XX век.
- ⁹ *Камбероглу И.* Разговор с децата // Когато ми отнеха името. «Възродителният процес» през 70-те — 80-те години на XX век в литературата на мюсюлманските общности. София, 2015. С. 18. Перевод поэтических текстов сделан автором статьи.
- ¹⁰ *Аглагъзов С.И.* Аз, майчиният ми език и другите // Когато ми отнеха името. С. 104–105.
- ¹¹ *Азиз О.* Забравяме турския // Когато ми отнеха името. С. 29.
- ¹² *Арда Ф.И.* Мечта // Когато ми отнеха името. С. 34.
- ¹³ *Валева Е.Л.* Инакомыслие и оппозиция в Болгарии в 1980-е гг. // Славяноведение. 2012. № 5. С. 295.
- ¹⁴ *Байрамъзов С.* Когато ми отнеха името // Когато ми отнеха името. С. 10.

- 15 *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 141.
- 16 *Сысоева А.В.* Особенности турецкого музыкального фольклора // Вестник Челябинского университета. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2003. №. 2. С. 273.
- 17 *Адалъ С.Ю.* Песен за Белене — 2 // Когато ми отнеха името. С. 74.
- 18 *Нури Тургут Адалъ* // Когато ми отнеха името. С. 453.
- 19 *Ассман Я.* Культурная память. С. 241.
- 20 *Шукриев Ф.* Мило конче // Когато ми отнеха името. С. 99.
- 21 *Интервью С. Джамбазова с В. Чернокожевым.* URL: <https://въпреки.com/post/111194945191/доц-вихрен-чернокожев-видях-едно-несподелено> (дата обращения: 30.08.2020).
- 22 *Чернокожев В.* Антитоталитарната литература: памет за злото, отговорност за бъдещето <https://litenet.bg/publish2/vchernokozhev/antitotalitarnata.htm> // Электронно списание LiterNet. 12.05.2009, № 5 (114). URL: <https://litenet.bg/publish2/vchernokozhev/antitotalitarnata.htm> (дата обращения: 30.08.2020).
- 23 *Шукриев Ф.* Мило конче // Когато ми отнеха името. С. 99.
- 24 *Карахюсеинов М.Х.* Горене // Когато ми отнеха името. С. 43.
- 25 *Гоней З.* Белязани // Когато ми отнеха името. С. 42.